

Экономика и мораль

Пускай экономисты предпочитают сохранять нейтральность в оценках, но многие критики находят взаимосвязь между экономической наукой и добродетелью ущербной

Тимоти Тейлор

ЭКОНОМИСТЫ предпочитают обходить вопросы морали стороной. Они любят говорить, что изучают компромиссный выбор, стимулы и взаимодействие, отдавая оценочные суждения на откуп политическому процессу и обществу.

Но нравственные суждения не склонны обходить экономику стороной.

Критику взаимосвязи между экономической наукой и нравственной добродетелью можно отнести к трем основным категориям. В какой мере обычная экономическая жизнь сохраняет способность быть добродетельной? Не переходит ли экономический анализ свои границы, вторгаясь в зоны поведения, которые следует защищать от экономики? Не создает ли само изучение экономики отрицательных стимулов для нравственного поведения?

Способность к добродетельной жизни

После тяжелого трудового дня или когда наступает пора платить по счетам, многие из нас понимают, что имел в виду Генри Дэвид Торо, когда в 1854 году написал: «Большинство людей проживают свою жизнь в тихом отчаянии».

В самом деле, философы со времен Аристотеля проводили границу между экономической жизнью и жизнью, которая является добродетельной или прожита не зря. Например, Аристотель писал в своей «Никомаховой этике»: «[Жизнь] стяжателя как бы подневольная, и богатство — это, конечно, не искомое благо, ибо оно полезно, то есть существует ради чего-то другого».

Эти философы отмечают, что люди часто работают только для того, чтобы заработать деньги на такие предметы первой необходимости, как еда, кров и одежда. В то же время, они указывают на ряд добровольно избираемых видов человеческой деятельности, которые больше соответствуют добродетельному поведению: любовь и дружба, изобразительное искусство и музыка, военная доблесть, участие в общественной жизни, лечение больных, помощь бедным и так далее.

Однако вынужденный характер и причинная обусловленность трудовой жизни имеют и другие аспекты. Друг и коллега Торо, трансцен-

«Большинство людей проживает свою жизнь в тихом отчаянии».

Генри Дэвид Торо

дентальный философ Ральф Уолдо Эмерсон в 1844 году изрек: «Неважно, занимаешься ли ты утонченной или грубой работой, выращиваешь ли хлеб или пишешь романы, если только ты выполняешь свою работу добросовестно, к своему собственному удовлетворению, то она вознаградит как чувства, так и разум: сколь бы часто ты ни терпел поражения, ты рожден для победы. Наградой за хорошо сделанное дело будет его завершение». Работайте на совесть независимо от того, чем вы занимаетесь: обслуживаете голодных клиентов в закусочной, работаете водителем такси, убираете гостиничные номера, укладываете бетон при строительстве дороги, организуете выездную миниконференцию для офисных работников или делаете что-либо еще. Работа может быть оплачиваемой, но при таком подходе добросовестно выполненная работа приносит больше, чем просто денежное вознаграждение.

Действительно, альтернативная философская традиция объяснения взаимосвязи между экономической жизнью и нравственной добродетелью, уходящая корнями в работы Джона Локка и прямо противостоящая аристотелевской традиции, рассматривает труд и экономическую деятельность не как унылую и безнравственную рутину подневольного наемного труда и стяжательства, а как

способ общения человека с окружающим миром и формирования собственной личности.

Вот как описал этот взгляд Анджей Рапачински (Andrzej Rapaczynski, 2013): «[П]родуктом труда являются не просто блага или товары, а собственно независимые люди, которые теперь живут той жизнью, которую они сами для себя придумали и выбрали. То есть трудовая деятельность, лежащая в основе экономической жизни, отнюдь не порабащая тех, кто ее осуществляет, является важнейшим проявлением творческого потенциала человека, истинным воплощением новой реальности, управляемой человеческим интеллектом и воображением, в которой мы можем осознать и формировать себя по собственному желанию». Хотя изобразительное искусство, литература и музыка, в силу своей «особенно сложной приро-

Работайте на совесть независимо от того, чем вы занимаетесь: обслуживаете голодных клиентов в закусочной, работаете водителем такси, убираете гостиничные номера, укладываете бетон при строительстве дороги, организуете выездную миниконференцию для офисных работников или делаете что-либо еще.

ды... возможно, более отчетливо опознаются в качестве основных артефактов человеческой культуры... их место в жизни человека принципиально не отличается от других объектов, производимых нами как для потребления, так и для определения основополагающих условий нашего собственного существования», — написал профессор права и философии.

Кто мрачен?

«Мрачная наука» — вот самая мощная словесная «граната», запущенная в сторону экономики. Но экономисты, знакомые с историей этого язвительного замечания, воспринимают его как знак отличия.

В своем эссе 1849 года историк и эссеист Томас Карлайль написал, что предмет политической экономии является «унылым, безотрадным и в действительности довольно низменным и удручающим; это то, что мы можем назвать, по большому счету, мрачной наукой». Однако эссе Карлайля, озаглавленное «Случайные рассуждения по негритянскому вопросу», доказывает, что бедные чернокожие работники в Вест-Индии страдают «пороками лени и высокомерия». Для того чтобы они могли достичь добродетели, считает он, «ленивого чернокожего в Вест-Индии» следует «заставить работать, в чем и заключается его предназначение». Карлайль был не только расистом. Он верил, что бедняки всего мира независимо от расовой принадлежности, «как самые белокожие, так и самые темнокожие», должны испытать на себе действие «божественного права

принуждать их (если нельзя сказать «позволять им») выполнять ту работу, для которой они созданы».

Одним словом, Карлейль назвал экономику мрачной наукой, поскольку она была выстроена на таких идеях, как «оставление людей в покое» и «тайное голосование», которые мы иначе называем личной свободой и демократией.

Джон Стюарт Милль, экономист и политический философ, в 1850 году опубликовал статью, в которой подверг эссе Карлайля резкой критике. Милль подчеркнул, что богатые часто угнетают бедных и что когда поведение и отношение бедного населения кажется некооперативным и неэффективным, причина этого коренится, скорее, в отрицательных стимулах, создаваемых угнетением, нежели в изъянах характера. В заключение Милль высказал следующую мысль: «Хотя мы не можем искоренить все страдание, мы можем, если будем исполнены достаточной решимости, отказаться от всех видов тирании». В фактически развязавшемся историческом споре по поводу мрачной науки просвещенный экономист выглядит бесспорным победителем.

Рассуждая в подобном духе, современные экономисты-философы составили список добродетелей, которые могут быть присущи рыночным отношениям. Дейдра Макклоски (Deirdre McCloskey, 2006) описала семь добродетелей экономической жизни среднего класса: любовь (доброжелательность и дружба), вера (цельность), надежда (предпринимательский дух), мужество (стойкость и настойчивость), умеренность (сдержанность и скромность), благоразумие (знания и дальновидность) и справедливость (социальный баланс и честность). Сходным образом, Луиджино Бруни и Роберт Сагден (Luigino Bruni and Robert Sugden, 2013) предположили, что участие в трудовой и коммерческой деятельности согласуется с такими добродетелями, как самосовершенствование, предприимчивость и бдительность, доверие и надежность, уважение к чужим желаниям и восприятие других в качестве возможных партнеров в рамках взаимовыгодной сделки.

Вместо того чтобы сосредоточивать внимание на философских абстракциях, относящихся к нравственному содержанию труда, рассмотрим классическую семью: родители работают, воспитывают детей, поддерживают дружеские отношения с коллегами по работе и соседями, общаются с родственниками, уделяют время личным интересам и общественной жизни. Утверждение о том, что люди, которые работают, обречены вести безнравственную жизнь, если только не смогут урвать свою долю добродетельных занятий в свободное от работы время, представляется высокомерным и заносчивым или, возможно, демонстрирует оторванность от действительности. С другой стороны, утверждение о том, что рутинная работа ежедневно

«Жизнь стяжателя как бы подневольная, и богатство — это, конечно, не искомое благо, ибо оно полезно, то есть существует ради чего-то другого».

Аристотель

обеспечивает людей возможностями для обретения добродетели, может показаться странным и нереалистичным благодушием. В качестве компромисса можно признать, что хотя моменты благодати и возможности для добродетельного поведения могут встречаться во всех аспектах жизни, включая экономическую жизнь, диапазон и спектр возможностей для добродетельного поведения зависят от характеристик экономической жизни человека.

Экспансия экономики в другие сферы жизни

Даже если экономическая жизнь и необязательно несовместима с нравственностью и добродетелью, обеспокоенность в связи с этим вызывает вопрос о том, не распространяются ли ценности экономической жизни за пределы той зоны, где они уместны.

Например, экономические ценности могут приносить пользу при выращивании пшеницы, изготовлении смартфонов, покупке холодильника или осуществлении пенсионных сбережений. Но ориентация на эти ценности в других ситуациях может выглядеть более сомнительно — по меньшей мере, в глазах неэкономистов, которые читают о разновидности «экотуризма», когда с охотников взимают значительную плату за отстрел старых слонов и львов, якобы для пополнения местной казны

и предотвращения браконьерства; о компаниях, покупающих квоты на загрязнение окружающей среды; или о некоторых врачах и экономистах, выступающих за платное, а не добровольное донорство почек и крови.

На определенном уровне опасения того, что экономика может выйти за пределы дозволенного, вполне оправданы. Даже экономисты согласны с тем, что торговля детьми или порабощение одного человека другим безнравственны. Вы не можете купить себе настоящего друга. И, как пели «Битлз», «Can't buy me love (нельзя купить себе любовь)». Большинство экономистов не ведут себя так, как будто денежная стоимость — это единственное, что имеет значение: даже экономисты дарят по особым случаям подарки, а не просто деньги.

Философ из Гарварда Майкл Сэндел (Michael Sandel, 2013) был одним из первых, кто поставил нелегкие вопросы об экспансии экономики в другие области. Он писал:

«[Н]азначение цены каждому виду человеческой деятельности подрывает определенные нравственные и гражданские ценности, о которых стоит беспокоиться... Следует ли торговать сексом? А как насчет суррогатного материнства или беременности на платной основе? Если ли что-то плохое в использовании наемной армии, а если есть, то как должна распределяться воинская обязанность? Следует ли университетам принимать часть первокурсников на платной основе, чтобы собрать деньги на благое дело, например, профинансировать новую библиотеку или стипендии студентам-отличникам из малообеспеченных семей? Следует ли Соединенным Штатам продавать право на иммиграцию? И позволять ли лицам, являющимся гражданами США, продавать свое гражданство иностранцам или меняться с ними гражданством? Можно ли допустить существование свободного рынка усыновления детей? Разрешить ли людям продавать свое право голоса?»

Сэндел является образцом философской осмотрительности. Он задает вопросы, а не заявляет, что знает ответы, и не исключает возможности того, что даже если определенные нравственные и гражданские ценности и страдают, в некоторых случаях расширенное использование денежной стоимости может быть допустимо. В том же исследовательском русле полезно вспомнить, что со временем наши представления о том, какие разновидности рыночных сделок вызывают отторжение, менялись. Вот несколько примеров из истории Соединенных Штатов, хотя и другие страны, несомненно, были свидетелями аналогичных изменений.

В Америке XIX века страхование жизни считалось недопустимой в нравственном отношении игрой в азартные игры с Богом до тех пор, пока в результате рекламной кампании, нацеленной на представителей церкви, не стало восприниматься как благоразумный способ проявления любви к семье. В Америке начала XX века продажа алкоголя считалась морально неприемлемой в течение 14 лет, вплоть до отмены Сухого закона в 1933 году. До 1960-х годов государственные лотереи считались в Соединенных Штатах безнравственными; во многих штатах ввоз средств контрацепции из других штатов на продажу и даже для домашнего использования был запрещен законом. Выплата жалования рядовым военнослужащим считалась в Соединенных Штатах неприемлемой в нравственном смысле вплоть до прекращения призыва в армию и создания вооруженных сил, полностью комплектуемых личным составом на контрактной основе, в 1970-х годах. Решение сделать экстракорпоральное оплодотворение услугой, предоставляемой на рынке здравоохранения, вызвало много споров. До 1980-х годов считалось безнравственным допускать профессиональных спортсменов к участию в таких «любительских» мероприятиях, как Олимпийские игры.

Платное донорство крови по-прежнему неприемлемо для многих американцев. Однако донорам кровяной плазмы и спермы, как правило, выплачивают вознаграждение. Женщина

не может получить деньги за донорство почки, но ей могут заплатить за ее яйцеклетки или за вынашивание ребенка в роли суррогатной матери. Между странами существуют значительные различия в том, в каких случаях допускается использовать механизм ценообразования: например, в некоторых странах легализованы проституция и некоторые легкие наркотики, в то время как в других запрещена выплата процентов по кредитам.

Если ценовой стимул «подрывает определенные нравственные и гражданские ценности, о которых стоит побеспокоиться», как предполагает Сэндел, то почему бы не рассмотреть и более радикальные предложения? Возможно, работники сфер здравоохранения, образования, социальные работники и государственные служащие должны работать бесплатно или почти бесплатно, поскольку мы не хотим подорвать нравственную основу их работы. Возможно, нам не следует платить за переработку отходов или за теплоизоляцию, поскольку эту деятельность нужно осуществлять ввиду ее положительного воздействия на окружающую среду, а не в обмен на денежное вознаграждение. Благотворительные пожертвования должны сами по себе служить наградой, ведь обнародование имен жертвователей или сокращение их налогового бремени нанесет ущерб гражданской добродетели.

Эти предложения нужны для того, чтобы развязать дискуссию, их нельзя воспринимать всерьез. Но все же они показывают, что экономические стимулы не всегда следует рассматривать как несогласующиеся с гражданской и нравственной

Утверждение о том, что рутинная работа ежедневно обеспечивает людей возможностями для обретения добродетели, может показаться странным и нереалистичным благодушием.

добродетелью. А когда мы наблюдаем изменение отношения общества к нравственной стороне тех или иных экономических сделок, разумнее воздержаться от предположений о том, что сегодняшние границы терпимости останутся прежними завтра.

В самом деле, когда экономическое мышление захватывало области, выходящие за рамки его традиционной сферы применения, это нередко давало положительные результаты. Например, экономисты, отталкиваясь от работы Гэри Беккера, недавно ставшего нобелевским лауреатом, и прочих, показали, как экономическое мышление способно объяснить динамику явлений, которые ранее не причислялись к кругу экономических вопросов, таких как брак, воспитание детей, преступность и дискриминация отдельных категорий населения. Мысль о том, что вооруженные силы должны привлекать в свои ряды военнослужащих при помощи жалования, льгот и возможностей для карьерного роста, а не в рамках обязательной службы по призыву, сейчас является господствующей точкой зрения. Так же, как и понимание того, что проблемы охраны окружающей среды можно эффективно решить, назначив цену загрязнению, — например, используя залогов за банки и бутылки, налоги на такие товары, как бензин, способствующий загрязнению, и покупки и продажи компаниями разрешений на определенные загрязняющие вещества, что создает стимул для сокращения загрязнения при более низких социальных издержках.

Имеет место соблазн попытаться выстроить вокруг нравственных и гражданских добродетелей забор, чтобы помешать

«Ограничивать насколько возможно личный эгоизм и отдаваться снисходительной симпатии к другим представляет высшую

степень нравственного совершенства, на какую только способна человеческая природа».

Адам Смит

вторжению экономических ценностей. Но, как выяснили Соединенные Штаты, попытавшись в начале XX века ввести запрет на алкоголь, действие экономических сил не так просто блокировать, а хорошо организованный рынок зачастую оказывается более практичным способом сбалансировать нравственные и гражданские ценности, нежели законы, которые запрещают те или иные действия, ссылаясь на нравственные аргументы.

Пагубное влияние

Обычная претензия к изучению экономики заключается в том, что последняя «целиком посвящена тому, как заработать деньги и стать богатым». Но это уловка, неверно представляющая предмет экономики. Даже базовые вводные курсы экономики сосредоточены на размышлениях о том, как делать компромиссный выбор, неизбежный в мире ограниченных ресурсов. Конечно, эти вводные курсы рассматривают рынки спроса и предложения, но уделяют внимание и таким вопросам, как поведение, направленное на ограничение конкуренции, загрязнение окружающей среды, бедность, безработица, преимущества и недостатки глобализации и торговли. Людям, чуть более осведомленным об экономике, известно, что великие экономисты, начиная с Адама Смита, написавшего в 1776 году книгу, ставшую классикой, — «Богатство народов», — уже более двух столетий бьются над вопросами неравенства, справедливости, совершенства права и социальной помощи.

Усовершенствованная версия претензии к изучению экономики звучит так: поскольку основополагающая экономическая модель исходит из того, что люди стремятся удовлетворить свои потребности («максимизируют полезность», выражаясь профессиональным языком), а компании стремятся получить прибыль, то изучающие экономику, скорее всего, превратятся в людей, которые также считают эгоизм добродетелью. Внесем ясность: сами экономисты не желают усиления эгоизма. Как писал Смит в 1759 году в своей первой фундаментальной работе «Теория нравственных чувств», «[м]ы презираем эгоиста, очерствелая душа которого занята исключительно собой и относится бесстрастно как к счастью, так и к несчастью своих ближних!... Из всего сказанного нами следует, что выражать свое сочувствие другим и забывать о себе, ограничивать насколько возможно личный эгоизм и отдаваться снисходительной симпатии к другим представляет высшую степень нравственного совершенства, на какую только способна человеческая природа. Только таким путем мы можем достигнуть того господства согласия в чувствованиях людей, при котором страсти наши оказываются законными и приносят нам счастье».

Экономисты могут чувствовать несправедливость в том, что эта претензия предъявлена им одним. В конце концов, многие научные дисциплины изучают сомнительные аспекты человеческого поведения. Политология, история, психология, социология

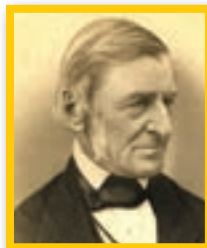
и литература часто интересуются проявлениями агрессии, одержимости, эгоизма и жестокости, не говоря уже о похоти, лени, жадности, зависти, гордыне, гневе и чревоутодии. Но никто, похоже, не боится, что студенты, изучающие эти дисциплины, прямой дорогой идут к тому, чтобы стать социопатами. Почему же разлагающее воздействие приписывается исключительно экономике? В конце концов, профессиональные экономисты представляют всю палитру идеологических взглядов, от крайних левых до крайних правых, что свидетельствует о том, что изучение экономики не является идеологической «смирительной рубашкой».

Некоторые данные указывают на наличие взаимосвязи между изучением экономики и менее кооперативным или эмпатическим поведением, хотя в целом исследования, пытающиеся увязать ту или иную область научных интересов с перерождением личности, не являются строго научными. Например, согласно результатам проведенного в США в начале 1990-х годов опроса, ученые-экономисты более склонны не делать никаких благотворительных пожертвований, чем ученые в других областях, однако то же исследование показывает, что средний размер пожертвований экономистов несколько выше (Frank, Gilovich, and Regan, 1993).

Ряд исследований сравнивает студентов, изучавших экономику, с теми, кто ее не изучал. В рамках одного исследования студентов Корнельского университета спрашивали, как бы они отреагировали и каких реакций ожидали бы от других, если бы при выставлении счета была допущена ошибка в их пользу, в результате которой они получили бы 10 компьютеров, в то время как оплатили только 9. Студенты, посещавшие занятия по экономической теории игр, реже заявляли, что сообщат об ошибке, и были менее склонны верить, что о ней сообщат другие (Frank, Gilovich, and Regan, 1993). Однако в ходе другого исследования был проведен эксперимент с «оброненным письмом», в рамках которого на полу перед аудиториями, где проходили занятия по экономике и по другим предметам в Университете Джорджа Вашингтона, были оставлены проштампованные, надписанные незапечатанные конверты, в каждом из которых лежала десятидолларовая банкнота и короткая записка. Более половины писем, оставленных в аудиториях, где проходили занятия по экономике, были запечатаны и брошены в почтовый ящик вместе с содержащимися в них банкнотами; из тех писем, которые лежали на полу в других аудиториях, были отправлено по адресу менее трети (Yezer, Goldfarb, and Poppen, 1996).

Конечно, такие сравнения могут означать то, что экономика привлекает людей, более склонных реагировать определенным образом, а не то, что изучение экономики заставляет людей действовать именно так. Действительно, волна социологических исследований в последние несколько десятилетий подтвердила значение эффектов обрамления («фрейминг») или предварительной установки («прайминг»): то, как исследователь формулирует свой вопрос или определяет ситуацию, оказывает сильное влияние на реакцию участника исследования. В еще одном исследовании руководителей компаний сначала попросили составить 30 предложений, часть из которых складывалась из слов экономической тематики, — например, *продолжает, экономика, расти, наша*, — в то время как другие состояли из таких слов, как *зеленым, дерево, было*, не имеющих отношения к экономике. Затем руководители стали участниками ролевых игр: им нужно было написать письмо сотруднику, которого переводят на работу в другой город или подвергают дисциплинарному взысканию в связи с опозданиями. Исследователи обнаружили, что руководители, составлявшие предложения из экономических слов, выразили в этих письмах меньше сочувствия, как потому, что испытывали меньше эмпатии, так и потому, что считали ее проявление «непрофессионализмом» (Molinsky, Grant, and Margolis, 2012).

Подобные исследования говорят мне скорее не о том, что «следует остерегаться изучения экономики», а о том, что

«Наградой за хорошо сделанное дело будет его завершение».

Ральф Уолдо Эмерсон

«следует остерегаться чрезмерного влияния того, как сформулированы вопросы, а также более широкого контекста в ситуациях принятия решений». С годами я стал с недоверием относиться к вопросам, сформулированным таким образом, что экономика представлена в них противником морали в борьбе не на жизнь, а на смерть.

Ни один экономист не порекомендовал бы обращаться к учебнику экономики как к практическому источнику трансцендентальной нравственной премудрости. Последний глобальный экономический кризис напомнил каждому, кто нуждался в напоминании, что экономика не имеет решений для всех экономических проблем мира. Но, справедливости ради, отметим, что философы нравственности тоже не имеют ответов на все духовные и этические вопросы мира.

В своем знаменитом учебнике 1890 года «Принципы экономической науки» великий экономист Альфред Маршалл указал, что «экономическая наука представляет собой изучение человека в повседневном бизнесе жизни». Экономисты не могут отрицать значение нравственных вопросов в своей области исследований и не должны даже пытаться этого делать. Но когда философы нравственности рассматривают темы, затрагивающие повседневную деловую жизнь, также не могут исключать или отрицать значение экономики. ■

Тимоти Тейлор — главный редактор журнала “Journal of Economic Perspectives”, выпускаемого Американской ассоциацией экономистов, его основным местом работы является Колледж Макалестер в городе Сент-Поле, штат Миннесота. Его блог можно найти на: [http:// conversableeconomist.blogspot.com](http://conversableeconomist.blogspot.com).

Литература:

- Bruni, Luigino, and Robert Sugden, 2013, “Reclaiming Virtue Ethics for Economics,” *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 27, No. 4, pp. 141–64.
- Frank, Robert H., Thomas Gilovich, and Dennis T. Regan, 1993, “Does Studying Economics Inhibit Cooperation?” *Journal of Economic Perspectives* Vol. 7, No. 2, pp. 159–71.
- McCloskey, Deirdre, 2006, *The Bourgeois Virtues: Ethics for an Age of Commerce* (Chicago: University of Chicago Press).
- Molinsky, Andrew L., Adam M. Grant, and Joshua D. Margolis, 2012, “The Bedside Manner of Homo Economicus: How and Why Priming an Economic Schema Reduces Compassion,” *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, Vol. 119, No. 1, pp. 27–37.
- Persky, Joseph, 1990, “Retrospectives: A Dismal Romantic,” *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 4, No. 4, pp. 165–72.
- Rapaczynski, Andrzej, 2013, “The Moral Significance of Economic Life,” *Capitalism and Society*, Vol. 8, No. 2, Article 1.
- Sandel, Michael J., 2013, “Market Reasoning as Moral Reasoning: Why Economists Should Re-engage with Political Philosophy,” *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 27, No. 4, pp. 121–40.
- Yezer, Anthony M., Robert S. Goldfarb, and Paul J. Poppen, 1996, “Does Studying Economics Discourage Cooperation? Watch What We Do, Not What We Say or How We Play,” *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 10, No. 1, pp. 171–86.